

The book cover features a man and a woman in a forest setting. The man, in the foreground, has a beard and is wearing a brown jacket. The woman, behind him, has blonde hair and is wearing a dark top. In the background is a log cabin with a lit window and a stormy sky with lightning. A circular '18+' rating is in the top left.

18+

Ольга
Люм

МОЙ ЛЕСНОЙ ХОЗЯИН

Ольга Люм

Мой лесной хозяин

<https://litres.ru/74684777>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Успокоилась? — Его голос был низким и ровным, безразличным к моему состоянию.

Я смогла лишь кивнуть, сглотнув ком в горле.

Яна, оказавшаяся в ловушке разбитой машины в ночном лесу во время грозы, сталкивается с незнакомцем, чья помощь оборачивается новой загадкой. Сильный и властный мужчина с ледяным взглядом не просто спасает её из кювета. Его внезапное появление, его грубая сила и пронзительный, изучающий взгляд заставляют Яну усомниться: столкнулась ли она со спасителем или с новой, куда более реальной и опасной угрозой? Теперь её спасение зависит от того, сможет ли она разгадать его намерения, пока они одни в крошечной тьме.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ольга Люм

Мой лесной хозяин

Глава 1

Чёрт. Чёрт, чёрт, чёрт. Это слово отбивает в моей голове ритм, совпадающий со скрежетом дворников, которые безумно мечутся по лобовому стеклу. Они не справляются. Никакие щётки не справятся с этим водяным адом, что обрушился на землю сегодня ночью. Не ночь это, а сплошная, густая, чёрная темень, которую лишь изредка разрывают вспышки, от которых залипаешь глазами и забываешь дышать.

Я сжимаю баранку так, будто от этого зависит моя жизнь. А оно, в общем-то, так и есть. Мои пальцы затекли, плечи ноют от напряжения. Каждый мускул скован страхом. А ещё – глупой, детской, но оттого не менее едкой обидой на саму себя. Ну вот как можно было так облажаться, Яна? Как можно заблудиться в, буквально, трёх соснах, по дороге, которую, казалось бы, знаешь вдоль и поперёк?

Всё началось с того, что я решила срезать путь через этот старый лесной тракт. Днём он кажется таким живописным, уютным. Но ночью... Ночью это туннель в преисподнюю. Деревья по обеим сторонам смыкаются в сплошную чёрную

стену, их ветви, как костлявые пальцы, норовят схватить тебя за фары. А я, как последняя идиотка, свернула сюда, поддавшись на уговоры собственной лени и уверенности в собственной непогрешимости.

И телефон. Этот проклятый, бесчувственный кусок пластика и стекла, что сейчас лежит на пассажирском сиденье и безжизненно смотрит на меня потухшим экраном. «Заряди меня, Яна, – словно говорил он мне вечером, – не будь душой». Но я ведь умная, я же «успею с утра». А утром был аврал, и я, конечно, забыла. И теперь он мёртв. Мой единственный спасательный круг, моя связь с миром, с помощью, с голосом мамы, который сказал бы: «Всё хорошо, дочка, соберись». Он мёртв, и я одна в этой крошечной тьме, в самом сердце грозы.

Очередной удар грома, прямо над головой. Он не гремит, он разрывает мир пополам. Звуковая волна бьёт по машине, заставляя её вибрировать, как живое, испуганное существо. Я вздрагиваю всем телом, и на мгновение теряю контроль над коленками – они предательски подкашиваются. Сердце колотится где-то в горле, бешено и беспомощно.

И вот, в следующее мгновение, небо пронзает очередная молния. Не просто вспышка, а ослепительный, фиолетово-белый росчерк, который на долю секунды превращает ночь в день. Слепящий, болезненный свет. Он выхватывает из тьмы каждую деталь: измождённые стволы сосен, мокрый асфальт, блестящий как угольная жила, и... тень.

Прямо передо мной, метрах в двадцати, на дороге.

Чёрная, бесформенная, но однозначно – фигура. Человек? Олень? Не знаю, мой мозг отказывается анализировать. Срабатывает только первобытный инстинкт – опасность! Прямо на пути!

Крик застревает у меня в горле комом. Руки, помимо моей воли, совершают резкое, паническое движение. Я не думаю, не соображаю. Я просто выкручиваю руль. Резко, до упора, в сторону от этой тени, от этого призрака, порождённого молнией и моим страхом.

И всё. Мир переворачивается.

Раздаётся оглушительный, сухой скрежет. Машина крепится, подпрыгивает на кочках, которых я не вижу. Мою голову бросает в боковое стекло, и я чувствую тупую боль в виске. Стекло, к счастью, держится. В ушах – грохот рвущегося металла, хруст пластика, и всепоглощающий рёв мотора, который я, кажется, заглушить не успела.

Какая-то вечность в полёте, в невесомости, в хаосе. Потом – глухой, окончательный удар. Передок чем-то мягким, но неумолимым. Землёй? Кустарником? Машина замирает, вставшая под каким-то нелепым углом. Фары, которые секунду назад выхватывали дорогу, теперь бессмысленно освещают стену из мокрой листвы и грязи. Двигатель чихает, содрогается и затихает.

Тишина.

Она наступает внезапно и оглушительно. Только шум до-

жда по крыше, который теперь кажется не таким яростным, и отдалённые раскаты грома, будто довольное урчание некоего великана, который только что сыграл со мной злую шутку.

Я сижу. Не двигаюсь. Дышу ртом, коротко и прерывисто. Сердце бьётся так, что кажется, вот-вот разорвёт грудную клетку. Я пытаюсь пошевелить руками, ногами. Вроде бы всё на месте. Ничего не болит, кроме виска, где нарастает горячая шишка. Отдышавшись, я медленно поворачиваю голову.

Лобовое стекло покрыла паутина трещин, расходящихся из одной точки. Слева от меня – тёмная, мокрая земляная стена кювета. Мы врезались в неё под углом. Я пытаюсь открыть дверь. Она скрежещет, подаётся на пару сантиметров и упирается во что-то. Выбраться с этой стороны не получится.

Паника, холодная и липкая, начинает подползать к горлу. Я заперта. В лесу. Ночью. В грозу. В разбитой машине. С мёртвым телефоном.

Я закрываю глаза, пытаюсь унять дрожь в руках. Вспоминаю ту тень. Что это было? Мерещится? Игра света и тени, спровоцированная молнией и моим запредельным напряжением? Или... или там действительно кто-то был? Кто? Почему он стоял посреди дороги в такую погоду?

Леденящий страх скользит по позвоночнику. А что, если он сейчас подойдёт? Подойдёт к машине, заглянет в это разбитое стекло? Я в ловушке. Я не могу убежать.

Я лихорадочно начинаю шарить руками по бардачку, по карманам, в поисках чего угодно – фонарика, зажигалки. В руке нащупываю холодный металл. Ключ. Он всё ещё в замке зажигания. Дрожащей рукой я поворачиваю его.

Щёлк. Загорается приборная панель. Слабый, больной свет. Но свет! Я жадно смотрю на стрелки. Бензин есть. Аккумулятор, кажется, жив. Я пытаюсь завестись. Стартер проворачивается с каким-то больным, тягучим звуком, но мотор не схватывает. Ещё раз. Тот же результат. Чёрт. Видимо, что-то повредилось при ударе.

Отчаявшись, я бью ладонью по рулю. Бесполезно. Слёзы подступают к глазам, но я яростно их смахиваю. Нет. Плакать сейчас – значит, окончательно сдаться.

Я решаю попробовать выбраться через пассажирскую дверь. Отстегнув ремень, я с трудом перебираюсь через рычаг КПП, задевая коленями всякий хлам, валяющийся на сиденье. Пассажирская дверь тоже зажата, но не так сильно. Я упираюсь в неё плечом, с силой, рождённой отчаянием. Сначала – скрежет, потом, с протяжным, жалобным стоном, она поддаётся.

Порыв ледяного, мокрого ветра врывается в салон, заставляя меня содрогнуться. Дождь тут же хлещет мне в лицо. Но я свободна. Вернее, я вне железной коробки. Теперь я в большой, тёмной, мокрой клетке под названием лес.

Я стою по колено в холодной, грязной воде, которая набралась в кювет. Машина моя представляет собой жалкое

зрелище: передняя часть смята, одна фара разбита, из-под капота тянется лёгкий дымок и пахнет горелой проводкой.

Я оглядываюсь по сторонам, вглядываясь в темноту, стараясь не смотреть в ту сторону, где мне привиделась тень. Дорога где-то там, наверху. Подъём по скользкому, глинистому откосу кажется мне задачей невыполнимой.

И тут я слышу это. Не гром. Не шум дождя. Что-то другое. Приглушённый, шелестящий звук. Как будто кто-то осторожно шагает по мокрой листве.

Я замираю, вжимаюсь в мокрый бок машины, стараясь стать как можно меньше. Звук приближается. Медленно. Неспешно.

Из-за поворота дороги, из той самой тьмы, что скрывала мою тень, появляется слабый, колеблющийся огонёк. Фонарь. Он движется, подпрыгивая в такт шагам своего невидимого хозяина.

Кто это? Помощь? Случайный путник? Или... тот, кто стоял на дороге?

Моё дыхание снова срывается. Я готова либо закричать, либо броситься бежать вглубь леса, подальше от дороги, от машины, от этого огонька.

Он приближается. Вот он уже на краю дороги, прямо над моим кюветом. Свет фонаря бьёт мне прямо в лицо, слепя. Я зажмуриваюсь, поднимаю руку, чтобы прикрыться.

И сквозь шум дождя доносится тихий, низкий, мужской голос:

– Девушка... Ты жива?

Глава 2

– Да... Жива, — выдыхаю я, и голос мой звучит хрипло и несмело, словно принадлежит не мне, а испуганному зверьку, забившемуся в нору. Слезы, которые я сдерживала, подступают к горлу уже не от страха, а от дикого, всепоглощающего облегчения. Я не одна. Кто-то есть. Живой человек.

Свет фонаря опускается, перестаёт слепить мне глаза, и я вижу его сапоги — высокие, армейские, по колено в грязи и воде, в которой стою я.

– С машиной что? Заводится? — голос из темноты глуховатый, низкий, без особой эмоции. Не испуг, не сочувствие, просто констатация факта. Деловитость.

Я безнадежно мотаю головой, хотя понимаю, что в этой тьме он может этого не видеть.

– Нет... Не заводится. Я, кажется, в кювет влетела...

– Влетела, это ты верно подметила, — в его тоне проскальзывает что-то, отдалённо напоминающее усмешку, но беззлобную. Словно взрослый констатирует очевидную оплошность ребёнка. – Давай, вылезай.

Я послушно делаю шаг в сторону склона, к тому месту, где, как мне кажется, можно выбраться. Ноги вязнут в липкой, холодной жиже. Я скольжу, цепляюсь мокрыми пальцами за мокрые корни и траву, но подъём слишком крутой и скользкий.

— Я... Я не могу, — снова в моём голосе звучит паническая нота. Я боюсь, что он сейчас развернётся и уйдёт, оставив меня одну в этой промозглой яме.

— Дай руку, — говорит он, и его крупная, тёмная фигура приседает на корточки на краю кювета. Он отставляет фонарь в сторону, и свет теперь падает на нас обоих рассеянным конусом, создавая причудливую игру теней.

Я протягиваю ему свою — грязную, мокрую, дрожащую от холода и адреналина. Его ладонь накрывает мою. Она сухая, тёплая и невероятно сильная. Шершавая кожа, твёрдые, уверенные пальцы. Я чувствую каждую черту его руки, каждый мускул.

И тут он дёргает.

Резко, мощно, без всякого предупреждения. Моё тело, обмякшее и обессиленное, становится невесомым. Я срываюсь с места, ноги бестолково бьются о склон, и через мгновение я уже наверху, на твёрдой, мокрой поверхности асфальта. Но инерция такая, что я не могу устоять. Я лечу вперёд и с размаху врезаюсь во что-то твёрдое и неподатливое.

В его грудь.

На секунду мир сужается до тактильных ощущений. Я чувствую под щекой грубую, мокрую ткань его куртки — кажется, это военная парка. Чувствую тепло, исходящее от его тела, пробивающееся сквозь всю мою промокшую, ледяную одежду. Чувствую напряжение его мышц, собранность, с которой он принял мой удар, даже не пошатнувшись. От него

пахнет дождём, влажной землёй, дымом и чем-то ещё — резким, мужским, незнакомым. Запах опасности и силы.

Мой инстинкт кричит: «ОТПРЯНЬ!» И я пытаюсь. Я делаю резкое движение назад, чтобы отскочить, вырваться из этой внезапной близости. Но его руки, которые инстинктивно схватили меня за плечи, чтобы я не упала, на мгновение сжимаются. Не больно, но достаточно твёрдо, чтобы остановить моё движение. И в этот миг я замираю. Не потому, что не могу пошевелиться, а потому, что впервые вижу его лицо.

Свет фонаря, падающий снизу, выхватывает его из темноты, делая черты резкими, почти скульптурными, высеченными из гранита. Это не лицо — это ландшафт. Лицо мужчины лет сорока, может, чуть за. Сильное, волевое, с тяжёлой, квадратной челюстью, на которой видна тень щетины — не небрежной, а скорее умышленной, короткой и колючей. Широкий, упрямый лоб, прорезанный глубокой вертикальной морщиной между бровей. Брови — тёмные, густые, лежащие к вискам крыльями. Под ними — глаза.

Боги. Его глаза.

Они смотрят на меня с такой вселенской, леденящей душу концентрацией, что у меня перехватывает дыхание. Они тёмные, почти чёрные, но не пустые. В них горит огонь. Не тёплый, не живой, а холодный, как отдалённая звезда. Огонь абсолютной власти, абсолютного контроля и... интереса. Не человеческого, не любопытства, а того интереса, с которым хищник рассматривает новую, незнакомую добычу. В них

нет ни капли сочувствия к моему испуганному виду, к моим мокрым волосам, прилипшим к щекам, к дрожи, которую я не могу скрыть. Он изучает меня. Впитывает каждую деталь моего лица, моего страха.

Его нос — с небольшой горбинкой, будто когда-то его ломали и он сросся не совсем ровно, придавая лицу ещё более суровое, почти бандитское выражение. Губы тонкие, сжатые в твёрдую, прямую линию. Ни тени улыбки.

Волосы, тёмные, почти чёрные, коротко стрижены, но на мокром лбу несколько непослушных прядей выбились и упали набок. Каждая деталь, каждая морщина, каждый уголок его лица кричал о силе, опыте и той абсолютной власти, которую он имел — по крайней мере, здесь и сейчас, надо мной.

Я замираю, полностью парализованная этим взглядом. Вся моя предыдущая паника, весь ужас ночи и аварии — всё это куда-то уходит, замещаясь новым, острым и тревожным чувством. Это не тот животный страх перед темнотой и одиночеством. Это... осознание. Осознание того, что я стою перед кем-то, кто сильнее меня в сотни раз. Не физически — хотя и это очевидно, — а ментально, духовно. Он — скала, а я — тростинка, которую вот-вот сломает ураган.

Время останавливается. Я чувствую, как капли дождя стекают с его капюшона на моё лицо. Слышу, как бьётся моё сердце — громко, глухо, отдаваясь в ушах. Я не могу отвести взгляд. Его глаза держат меня, как кандалы. Я — женщина, и в этот момент во мне просыпается не только страх, но и

какое-то древнее, первобытное узнавание. Узнавание Силы. Той самой, что может и защитить, и уничтожить.

Он разжимал руки на моих плечах медленно, будто давая мне время осознать, что я свободна. Но отступить я не могла — его взгляд по-прежнему держал меня на месте.

— Успокоилась? — Его голос был низким и ровным, безразличным к моему состоянию.

Я смогла лишь кивнуть, сглотнув ком в горле.

— Хорошо. — Он наклонился, поднял фонарь, и свет снова ударил мне в лицо, заставив щуриться. — Как зовут?

— Я... Яна.

— Артём, — отозвался он, не предлагая руку для рукопожатия. Имя прозвучало как клеймо, как констатация факта. — Показывай машину.

— Она там, в кювете... — я махнула рукой в темноту, чувствуя себя глупо. — Не заводится.

— Это я уже понял. Документы есть?

— В салоне... в сумке.

— Достанешь?

Я колебалась, глядя на чёрный провал кювета. Спускаться туда снова... сейчас...

— Боишься? — в его голосе снова проскользнула та же, что и раньше, тень усмешки. Не злая, но оценивающая.

— Там темно, — пробормотала я, чувствуя, как краснею. Мой страх был теперь настолько же физическим, насколько и иррациональным.

— Я посвечу. — Он направил луч фонаря на склон. — Иди. Ничего там нет.

Фраза «ничего там нет» прозвучала так, будто он мог это гарантировать. Собрав волю в кулак, я осторожно спустилась вниз, цепляясь за ту же грязь. Луч света неотступно следовал за мной, и почему-то это придавало уверенности. Я открыла пассажирскую дверь, нащупала свою кожаную сумку на полу и вытащила её.

Когда я снова выбралась на дорогу, он стоял на том же месте, неподвижный, как столб.

— Едем, — коротко бросил он, поворачиваясь и делая шаг в ту сторону, откуда пришёл.

— Куда? — моё сердце снова ёкнуло. — Я... моя машина...

— Сейчас её не поднять. Ночь, гроза. Моя база в двух километрах. Там связь, обогреватель, чай. Высохнешь, вызовешь эвакуатор утром.

В его словах была безупречная логика. Но что-то удерживало меня на месте.

— Я не могу просто так всё бросить...

Он остановился и медленно повернулся. Его лицо снова оказалось в тени.

— Можешь. У тебя есть выбор. — Его голос стал тише, но от этого только твёрже. — Остаться здесь, в разбитой машине, с севшим телефоном, мокрая и, прости за прямоту, перепуганная до полусмерти. Или провести ночь под крышей, в тепле. Выбор за тобой, Яна.

Он не давил. Он просто изложил факты. И в этом была его сила. Он заставил меня самого себя почувствовать иррациональной, отказываясь от очевидного выхода.

— А... а вы кто? — выдавила я, чувствуя, как дрожит горло. — Почему вы здесь, в такую погоду?

Он сделал паузу, и в темноте я почувствовала, как он меняется в лице, даже не видя его.

— Лесник, — наконец сказал он. Слово прозвучало правдоподобно, но слишком уж гладко, будто заученная легенда. — Обход. Решай. Я не могу стоять здесь всю ночь.

Он снова повернулся и пошёл, не оглядываясь, будто был на сто процентов уверен, что я последую за ним. И самое ужасное было в том, что он был прав. Отшвырнув последние остатки гордости, я, мокрая и сломленная, сделала первый шаг, чтобы догнать его уходящую в ночь спину.

Глава 3

Дорога до его базы промелькнула в каком-то сюрреалистичном тумане. Я сидела в кабине его старенького, но неубитого УАЗа, который пахло бензином, кожей и тем же острым, мужским ароматом, что исходил от него самого. Я молчала, сжавшись в комок на пассажирском сиденье, и украдкой, исподлобья, наблюдала за ним. Он вел машину так же, как и всё делал — с абсолютной, безразличной концентрацией. Его большие, сильные руки уверенно лежали на руле, пальцы слегка постукивали по ободу в такт какой-то невесомой мелодии, что звучала только в его голове. Он не смотрел на меня, не пытался заговорить, заполнить тягостное молчание пустыми утешениями. И в этой его молчаливой собранности была какая-то пугающая, гипнотическая сила.

Я ловила себя на том, что разглядываю его профиль в отсветах приборной панели. Шрам на брови, тяжёлую линию подбородка, кадык, двигавшийся, когда он сглатывал. Меня охватывала странная смесь страха и невероятного, почти животного любопытства. Кто он? Просто лесник? Слишком уж он... другой. Слишком монолитный. В нём не было мягкости, присущей людям, живущим в гармонии с природой. Скорее, ощущение, что природа — это его вотчина, которую он контролирует и которой командует.

— Приехали, — его голос разорвал тишину, и я вздрогнула, словно пойманная на чём-то запретном.

УАЗ остановился перед небольшим, приземистым строением, едва заметным среди деревьев. Это была не избушка в классическом понимании, а скорее бункер. Добротный, сложенный из толстых брёвен, с узкими, как бойницы, окнами и мощной металлической дверью. Никаких резных ставней, никаких цветов на подоконнике. Суровое, функциональное убежище.

Он вышел, и я, словно загипнотизированная, последовала за ним. Дверь открылась без скрипа, он шагнул внутрь, щёлкнул выключателем, и мягкий, тёплый свет залил единственную комнату.

Я замерла на пороге, переводя дух. Это было... не то, что я ожидала. Внутри было чисто, аскетично и по-мужски уютно. Никакого хлама, ничего лишнего. В центре стояла массивная деревянная кровать, застеленная тёмным одеялом. Рядом — простой стол с парой стульев. На столе — газовая горелка, чёрный, закопчённый чайник, несколько консервных банок, аккуратно расставленных по ранжиру. В углу — железная печка-буржуйка, от которой веяло сухим теплом. На полках вдоль стены — книги в потрёпанных переплётках, инструменты, оружейные чехлы. Воздух был насыщен запахами древесины, дыма, кожи и чего-то ещё... чего-то простого и основательного, вроде свежего хлеба.

Артём, не глядя на меня, скинул мокрую parku, повесил

её на крюк у двери. Под ней оказался простой тёмный свитер, обтягивающий мощный торс и широкие плечи. Он двинулся к старому комоду, открыл ящик, и его движения были чёткими, лишёнными суеты.

— На, — его голос прозвучал прямо надо мной, и я снова вздрогнула.

Он протягивал мне сложенную в аккуратный квадрат тёмную футболку и просторные, мягкие спортивные штаны. Сверху лежало большое, грубое, вафельное полотенце, пахнущее свежестью и морозом, будто его только что принесли с улицы.

— Вытрись насухо и переоденься. Промокла вся, ещё заболеешь, — сказал он, и в его голосе не было ни капли заботы в привычном мне понимании. Это была констатация факта. Приказ. Как если бы он сказал: — Заряди ружьё, а то не выстрелит.

Я молча взяла одежду. Ткань футболки была грубоватой, но чистой. Она пахла им. Тем же дымом и лесом. И чем-то неуловимо мужским.

— Там, — он кивнул в сторону небольшой, зашторенной занавеской ниши в углу.

Я проскользнула за занавеску. Это было подобие умывальника — раковина, зеркальце, крючок для полотенца. Дрожащими от холода и пережитого шока руками я начала раздеваться. Мокрая одежда с противным чмоканьем отлипала от кожи. Я чувствовала себя жалкой, разбитой, потерянной.

ной. Но грубая ткань полотенца, которым я с ожесточением стала вытирать замёрзшее тело, казалось, снимала с меня не только воду, но и слои паники. Каждое движение возвращало меня к реальности. Я была здесь. В тёплом, безопасном месте. С ним.

Надев его футболку, я почувствовала, как по коже пробежали мурашки. Она была на несколько размеров больше, свисала с меня мешком, а рукава приходилось заворачивать. Ткань, пропитанная его запахом, обволакивала меня, как невидимое облако. Это было одновременно и жутко, и... невероятно интимно. Я ловила себя на мысли, что прижимаю к лицу рукав, глубже вдыхая этот аромат. Спокойный. Сильный. Контролирующий.

Штаны тоже были велики, и мне пришлось подворачивать пояс, чтобы они не спадали. Я повесила свою мокрую одежду на предложенный крюк и, сделав глубокий вдох, отодвинула занавеску.

Артём стоял у стола, расставляя две простые жестяные кружки. На горелке тихо шипел чайник. Он не смотрел на меня, полностью погружённый в свой ритуал. Я наблюдала, как он насыпает заварку в маленький заварочный чайник, как аккуратно, не проливая ни капли, заливает её кипятком. Его движения были лишены какой бы то ни было изящности, но в них была отточенная, почти военная эффективность. Ничего лишнего. Запахло чаем. Крепким, свежесваренным. Он поставил перед одной из кружек небольшую баночку

с мёдом.

— Сахара нет. Мёд местный, с пасеки в пяти километрах отсюда. Если хочешь.

Это было первое, что он сказал, что хоть как-то походило на проявление заботы. Не «хочешь ли?», а «если хочешь». Оставляя выбор за мной.

Потом он поднял на меня взгляд. Его чёрные глаза медленно, с ног до головы, оглядели меня в его же одежде. Во взгляде не было ни насмешки, ни оценки. Был просто факт. Я стою здесь, в его вещах, и это — новая реальность.

— Садись, — сказал он, и это снова прозвучало как приказ, но на этот раз я почувствовала в нём не властность, а... приглашение. Ритуал.

Я подошла и опустилась на стул. Дерево мягко заскрипело подо мной. Он налил в мою кружку густой, тёмной заварки, потом долил кипятка из чайника. Пар поднялся мне в лицо, влажный и ароматный.

— Пей. Согреешься.

Я взяла кружку обеими руками, жадно прижалась к ней ладонями, впитывая тепло. Оно обжигало кожу, но было таким блаженным после ледяного холода. Я сделала маленький глоток. Чай был крепким, горьковатым, но мёд, который я добавила, смягчил горечь, обволакивая горло сладким, цветочным послевкусием.

Мы сидели молча. Он пил свой чай, не добавляя мёда, его взгляд был устремлён куда-то вглубь комнаты, в свои мысли.

А я... я сидела и думала. Думала о нём.

Этот мужчина, этот Артём, был самым невероятным существом, которое я когда-либо встречала. Он был груб. Властен. Его манеры были далеки от галантности. Он не утешал, не говорил сладких слов. Он приказывал. «Вытрись». «Переоденься». «Пей». Но в этой его прямолинейности, в этой абсолютной, незыблемой уверенности была какая-то дикая, первозданная притягательность.

Он не играл в игры. Он не пытался казаться хорошим. Он просто был. Был силой. Был укрытием. Был тем, кто в крошечной тьме, в грозу, нашёл меня, выдернул из грязи, как сорняк, и привёл в свой дом. И теперь, сидя в его одежде, попивая его чай, под его безмолвной охраной, я чувствовала себя... в безопасности. По-настоящему. Такого чувства у меня не было давно. Возможно, никогда.

Он был крут. Не так, как круты парни в боевиках — напыщенно и напоказ. Его крутость была глубинной, врождённой. Она была в спокойствии его рук, державших кружку. В уверенности его молчания. В том, как он одним взглядом мог заставить мир вокруг застыть.

И я, сидя напротив, ловила себя на том, что уже не боюсь. Вернее, боюсь, но этот страх сменился другим — острым, щекочущим нервы интересом. Кто он? Что за тайны скрываются за этим гранитным лицом? И почему его простая, почти звериная забота — «вытрись, чтобы не заболеть» — заставляет моё сердце биться чаще, чем все любезности, что я

слышала от других мужчин?

Я сделала последний глоток чая, и густая, тёплая волна разлилась по телу, отгоняя остатки озноба. Неловкое молчание, висевшее между нами, казалось, было таким же плотным и осязаемым, как стены этой избы. Мне нужно было что-то сказать, вернуть себе хотя бы видимость контроля над ситуацией.

— Артём? — мой голос прозвучал хрипло, и я прочистила горло. — Извините... а где можно зарядить телефон?

Он медленно перевёл на меня свой взгляд, будто возвращаясь из далёких мыслей. Его глаза, эти тёмные, всевидящие провалы, на мгновение сфокусировались на мне, и я снова почувствовала тот же щемящий трепет.

— Розетка там, за комодом, — он кивнул в угол комнаты. — Но не обольщайся. Связь тут всегда никакая, а во время грозы — вообще ноль. Волны глохнут, как в железной бочке. — Он отхлебнул из своей кружки, его движения были до невозможного размеренны. — Гроза сейчас на пике. Утихнет нескоро. Через пару часов, не раньше. Так что звонить кому бы то ни было — пустая трата времени и заряда.

В его словах не было ни злорадства, ни желания меня удержать. Просто холодная, неумолимая констатация факта, как прогноз погоды. И от этой невозмутимости стало ещё более жутко. Я была отрезана от мира окончательно и бесповоротно. Не просто с севшим телефоном, а в месте, где сам мир, казалось, отказывался пропускать сигналы.

Я молча кивнула, встала и, подобрав с пола свою сумку, потянулась к розетке. Старый, чёрный блок питания с единственным портом ждал своего часа. Я подключила телефон, и на экране загорелся значок зарядки — крошечный, одинокий маячок в моём личном море беспомощности. Он был тут, заряжался, но был так же бесполезен, как камень.

Пока я возилась с проводом, Артём встал. Его высокая, мощная фигура заслонила свет от лампы, отбросив на меня длинную тень.

— Располагайся, — его голос прозвучал прямо над моим ухом, и я вздрогнула, обернувшись.

Он стоял совсем близко, и я снова почувствовала его тепло, его запах — дождь, древесина, мужчина. Он не смотрел на меня, его взгляд был направлен на кровать. На ту самую, массивную, широкую кровать, застеленную тёмным одеялом.

Мой мозг отключился на долю секунды. Что? Располагайся? Где? Здесь? С ним? Сердце ушло в пятки, а по спине пробежала смесь паники и чего-то ещё, какого-то тёмного, запретного любопытства. Я почувствовала, как кровь приливает к щекам.

Он, должно быть, прочитал моё замешательство на моём лице. В его глазах, таких бездонных и спокойных, мелькнула искорка — не насмешки, а скорее лёгкого понимания. Уголок его рта дрогнул, но улыбки не последовало.

— Я уезжаю, — произнёс он, и его слова прозвучали как

приговор, снимающий все мои немые вопросы. — Обход не закончен. Буквально на час.

С этими словами он развернулся, подошёл к вешалке, снял свою уже просохшую парку и стал её натягивать. Каждое его движение было выверенным, лишённым суеты. Он не смотрел на меня, полностью погружённый в подготовку к выходу. Он застегнул молнию, поднял капюшон, взял с пола свой мощный фонарь.

— Дверь не запирается изнутри. Только на ключ снаружи. Так что не пугайся, если кто-то придёт — это я. — Он бросил на меня последний, оценивающий взгляд. — Никуда не уходи. В лесу ночью легко заблудиться, даже если не считать... других опасностей.

Он не стал уточнять, что это за «другие опасности». Возможно, кабаны. Возможно, что-то ещё. А может, он просто хотел, чтобы я боялась. И у него это прекрасно получалось.

Не дожидаясь ответа, он открыл тяжёлую металлическую дверь и вышел. Холодный, влажный воздух ворвался в тёплую комнату, заставив меня содрогнуться. Дверь захлопнулась с глухим, окончательным стуком.

И тут же, почти сразу, снаружи донёсся резкий, уверенный рёв мотора его УАЗа. Он завёлся с пол-оборота, будто зверь, откликнувшийся на зов хозяина. Я слышала, как заскрежетали шины по мокрому грунту, как звук мотора набрал обороты, стал отдаляться, становиться всё тише и тише, пока не растворился полностью в рокоте грома и шеле-

сте дождя.

Тишина.

Она обрушилась на меня со всей своей оглушающей, абсолютной тяжестью. Я осталась одна. Совершенно одна в этой странной, аскетичной комнате незнакомого, властного мужчины. Я стояла посреди комнаты, прислушиваясь к собственному дыханию, к биению сердца, которое отдавалось в ушах гулким, неровным стуком.

Мои мысли путались, набегая друг на друга. Он уехал. Оставил меня одну. В своём доме. С незапертой дверью. Сказал «располагайся». И я стояла, не в силах пошевелиться, глядя на ту самую кровать, на которую он указал. Она казалась сейчас огромной, загадочной, почти одушевлённой. Его кровать.

Я медленно подошла к ней, протянула руку и коснулась одеяла. Ткань была грубой, но тёплой. Я почувствовала слабый, едва уловимый отзвук его запаха на подушке. И странное, противоречивое чувство сковало меня. С одной стороны — облегчение от того, что я одна, что можно выдохнуть, упасть и не чувствовать на себе его всевидящего, тяжёлого взгляда. С другой — тревожная, щемящая пустота. И осознание того, что я, по сути, жду. Жду, когда он вернётся. И от этой мысли по коже снова побежали мурашки — на сей раз не только от страха.

Глава 4

Усталость, накопленная за эту бесконечную ночь, оказалась сильнее страха и навязчивых мыслей. Утомлённое тело взяло верх над перегруженным сознанием. Я прилегла, всего лишь для того, чтобы дать отдых спине, положив голову на прохладную, грубоватую ткань его подушки. Я лишь на мгновение закрыла глаза, пытаюсь упорядочить хаос в голове, а когда открыла их снова, то поняла, что за окном уже не бушевала гроза, а царила густая, бархатная тишина, изредка нарушаемая усталыми, отдалёнными раскатами. Я проспала, наверное, час, может, меньше. Но этот сон был таким глубоким и бессознательным, словно меня выключили.

Меня разбудил резкий, грубый звук, ворвавшийся в полусонное забытие. Я замерла, не открывая глаз, всем существом прислушиваясь. Сердце тут же заколотилось в привычной панической дробь. Что это? Удар грома? Падение чего-то тяжёлого? Звук был слишком земным, слишком механическим. И тогда я осознала — это был рёв мотора. Глухой, басистый, ни с чем не спутаемый рёв двигателя его УАЗа.

Артём. Он вернулся.

Мысль пронеслась обжигающим разрядом. И тут же, следом, инстинктивная, трусливая реакция — притвориться спящей. Не знаю, зачем. Может, не хотелось снова оказать-

ся под прицелом его всевидящих глаз. Может, боялась того неловкого молчания, что повиснет между нами. А может, мне просто было любопытно. Любопытно наблюдать за ним, когда он не знает, что за ним наблюдают. Увидеть его без того защитного панциря безразличия, который он надевал при мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.